

Лев Николаевич

Толстой

Еще о науке

(1909 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYU

Подготовлено на основе электронной копии 38-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 38-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются

в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. Толстой

1909 г.

ЕЩЕ О НАУКЕ.

Мысль моя о недостатках того свода знаний, который принято в нашем мире признавать и называть наукой, состоит в том, что истинной наукой можно признавать только такое собрание знаний, в котором все знания равномерно распределены и равномерно обработаны. В противном же случае, как это происходит теперь среди нашего христианского мира, когда считается наукой, истинной, непогрешимой наукой, собрание, с одной стороны, самых знаний, отчасти нужных для практических целей, отчасти совсем никому ни на что ненужных, как естественные, биологические, астрономические и т. п. науки, доведенные до высшей степени обработки, и, с другой стороны, различные измышления, оправдывающие существующий порядок или скорее беспорядок жизни, как все исторические, экономические науки и так называемые науки права, и когда вместе с тем совершенно не признаются и не изучаются третьи самые важные и нужные знания, религиозные и нравственные, то такое собрание знаний никак не может быть названо «наукой», т.-е. предметом важным и заслуживающим доверия и изучения.

Я несколько раз высказывал эту мысль, сравнивая то, что, по моему мнению, и можно, и должно считать истинной наукой, со сферой, в которой все радиусы равной длины и равномерно распределены по своему расстоянию один от другого, Сравнением этим я выражал то, что как при таком только равномерном расположении радиусов и равной длине их может быть определена сфера, так точно только при равномерном распределении одинаковой степени обработки знаний может быть определено и то, что можно считать истинной наукой; и что как при большой длине радиусов одной стороны и при краткости и отсутствии радиусов других сторон не только не может быть определена сфера, но теряется даже понятие сферы, точно так же и в деле науки доведение до большей степени обработки одной малой части знаний и пренебрежение, и игнорирование всех других не только не может составить того, что может быть признано наукой, но есть такое ложное соединение случайных произведений ума, которое лишает людей даже самого понятия о том, чем может и должна быть истинная наука.

А это–то самое и случилось с тем, что в нашем европейском квази–христианском мире называется наукой; и случилось от того, что (продолжая сравнение знаний с радиусами сферы), как для того, чтобы определить сферу, нужно прежде всего составить три взаимно перпендикулярные, равной длины диаметра и потом уже из образовавшихся из перекрещения этих диаметров прямых углов проводить равномерно отдаленные друг от друга одинаковой длины диаметры, точно так же и в деле науки, вообще для определения ее, необходимо прежде всего положить главные основы всех знаний, составляющих науку. А таких основ, по мнению не моему, а всех величайших мудрецов и учителей жизни всего мира, так же как и диаметров, определяющих сферу, тоже три: первая – учение о своем я, отделенном от Всего, т.–е. учение о душе, вторая – учение о том, что такое то Все, от чего человеческое я сознает себя отделенным, т.–е. учение о Боге, и третья – учение о том, каково должно быть отношение «я» к тому Всему, от чего оно отделено, т.–е. учение о нравственности.

И точно так же, как только при составлении трех взаимно перпендикулярных диаметров возможно проведение дальнейших диаметров и определение дуг, точно так же, и в деле науки, в ее истинном смысле, только при постановке в основу всех знаний этих трех основных учений возможно дальнейшее развитие знаний и решение вопроса о том, какое из всех знаний должно быть выбрано прежде и какое после, а также и то, до какой степени должно быть доведено каждое из них. Так что без этих учений: о душе, о Боге и нравственности не может быть разумного знания, т.–е. того, что может быть названо наукой.

А эти–то учения вполне отсутствуют в нашем мире, и оттого, как это и должно было быть, наукой, считающейся очень важным делом, признается в нашем мире случайный сброд праздных упражнений и часто вредных мыслей, не только лишаящих людей возможности разумного представления о том, чем может и должна быть наука, но и возможности какого либо нравственного учения, связанного с такой наукой. От этого–то и безнравственная жизнь людей нашего мира, от этого и ложь науки. Безнравственная жизнь поддерживается ложной наукой. Ложная же наука, в свою очередь, поддерживает безнравственную жизнь людей. И выхода

из этого ложного круга нет иного, как только полное признание ложности существующей науки и попытки установления истинной.

Истинной же наукой, по моему мнению, может быть и будет только такая наука, в основу которой будет положено религиозно–нравственное учение о душе человека, о Боге и нравственности, и когда вследствие этого наука эта не будет, как теперь, средством увеселения, препровождения времени, удовлетворения праздного любопытства, материальных улучшений одного сословия богатых людей, а будет необходимым для всех, всех учением о жизни и в нравственном, духовном, и в практическом смысле и доступным всем, всем людям, а прежде всего трудящемуся сословию, а не одному малому праздному классу людей. Вследствие чего такая наука не будет, как теперь, продаваться и покупаться, не будет мастерством, не будет средством улучшения, своего материального положения, а будет естественно, бескорыстно, радостно, как все духовное, передаваться от людей людям.

Какая будет эта истинная наука, в каких формах она проявится и много ли в ней останется из того, что теперь считается наукой, мы не знаем и не можем знать, но наверное можно сказать, что такая наука, наука всего народа, будет совсем иная, чем теперешняя наука, наука одного и самого развращенного сословия.

Но, может быть, люди, верующие в науку, скажут, что мое определение того, что основой всех знаний должны быть учение о душе, о Боге и нравственности, произвольно и что человеку нужнее знать о весе солнца, и о микробах, и происхождении животных, о 7000 видов мух и т. п., чем знать то, что он такое, что то Все, от чего он чувствует себя отделенным, и как ему надо жить. Знаю, что многие люди нашего времени, верующие в науку так же, как люди верят в церковное учение, скажут или подумают это. Точно так же, как верующие в церковь совершенно искренно и наивно думают и говорят, что утверждение о том, что вся вера в том, чтобы любить Бога и ближнего, произвольно, и что гораздо важнее знать, какие иконы исцеляют и в какой именно момент совершается пресуществление и т. п., точно так же и верующие в науку совершенно искренно убеждены в том, что утверждение о том, что сущность науки в религиозно–нравственном учении, есть парадокс и отсталость, а что истинная наука в том, чтобы знать какой царь и когда с кем воевал, и кто какие писал стихи, и как господин Р. определяет государственное право совершенно противно тому, как его определяет Г–н С., и как произошла обезьяна, и какая когда придет комета и т. п. Люди эти так уверены в том, что, посредством памяти набив себе голову всякими праздными рассуждениями разных господ о самых ненужных людям предметах, они стоят на высшей точке человеческого развития, что доказывать что–либо таким людям совершенно бесполезно. Тех же людей, у которых слепая вера в науку не загородила совершенно возможность критического отношения к тому, что они называют наукой, я очень прошу, поняв сущность моих доводов, показать мне, в чем я ошибаюсь.

Для того же, чтобы будущие возражатели мои не отдалялись бы от сущности вопроса, я постараюсь здесь еще раз, насколько могу, коротко и ясно выразить сущность моего осуждения и отрицания того,

что в нашем мире признается и называется наукой.

Отрицаю я то, что среди нас называется наукой, потому, что все то, что среди нас называется этим именем, есть случайный подбор знаний, которые нужны или интересны, или забавны для малого числа людей, освободивших себя от телесного, нужного для жизни труда и перенесших этот труд на шею народа, лишенного большей частью самых первобытно нужных для него знаний.

Отрицаю я то, что у нас называется наукой, еще и потому, что знания, которые в нашем мире считаются наукой, покупаются и продаются, как всякий товар, и потому доступны только богатым классам и немногим людям из народа, которым или особенные способности, преимущественно памяти для изучения этих знаний, или особенные жизненные случайности дают возможность, усвоив эту выгодную в житейском смысле науку, выйти из среды рабочего народа и, благодаря «науке», сесть на его шею.

Отрицаю я, главное, то, что у нас называется наукой, потому, что эта «наука» не только не включает в себя самых важных знаний человечества о душе, Боге и нравственности, но, напротив, умышленно игнорирует эти знания, извращает их или проповедует учения, долженствующие заменить их. Так что все то, что у нас считается и называется наукой, не только не есть нечто несомненно истинное и благотворное для народа, для всего народа, как это внушают жрецы «науки», но есть такой же грубый и зловредный обман, как и обман церковного закона Божия, имеющий ту же цель: с одной стороны, удовлетворение требований воображения, ума и даже сантиментальности праздных людей, с другой стороны, оправдание существующего ложного, безнравственного устройства жизни.

9 декабря 1909 г.

Ясная Поляна.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

ВАРИАНТЫ СТАТЬИ «ЕЩЕ О НАУКЕ».

№ 1.

Въ противномъ же случаѣ, какъ это происходитъ среди нашего общества, раздѣленнаго на два класса людей: одного небольшого числа властвующихъ, роскошествующихъ, а другого огромнаго большинства, лишеннаго возможности пользоваться своими трудами и задавленнаго, когда одни ненужныя для большинства людей знанія доведены до высшей степени обработки, другія же прямо вымышлены для оправданія ложнаго устройства общества, третьи же самыя важныя и нужныя или чуть намѣчены или вовсе отсутствуютъ.

№ 2.

Вслѣдствіе чего знанія эти въ нашемъ мірѣ приобрѣтаются только за денежное вознагражденіе людьми богатыхъ классовъ и тѣмъ небольшимъ числомъ людей изъ трудящагося народа, которые посредствомъ приобрѣтенныхъ знаній, вступая въ кругъ богатыхъ сословій, избавляются отъ необходимаго физическаго труда.

Комментарии Б. М. Эйхенбаума

ЕЩЕ О НАУКЕ.

Статья «Еще о науке» была вызвана письмомъ к Толстому его единомышленника Альберта Шкарвана. В этом письме (от 12 декабря 1909 г.) Шкарван приводил возражения против статьи Толстого «О науке», сделанные немецким писателем, близким к Толстому по взглядам, Эженом Шмитом. Далее Шкарван писал:

«Я ответил Шмиту на счет его лжеопровержения вашего без сомнения уместнаго упрека людям науки, что они основывают свои выводы на том, что им кажется, а не на том, что есть. Конечно, они не думают, что солнце обращается вокруг земли, но этого не думают теперь и 7-милетние дети, меж тем же естественники определяют, например, линии вращения земли, а это фантастично, произвольно, так как линии действительнаго вращения мы не знаем, ее, быть может, и нет, во всяком случае она не определена, так как разных одновременных движений бесконечное множество, и т. под. тысячи явлений.

Но мне кажется, что тут отчасти был прав и Шмит и что у вас некоторая недосказанность относительно естественных наук. Да и вы сами называете в другом месте (в «круге чтения» в письме о воспитании П.И.Б.) химию, физику и пр. настоящими науками. В них несомненная практическая ценность, и вредно людям только злоупотребления ими и их бесцельный рост. Вы, конечно, сами такого мнения, а то не говорили бы в той же статье о потребности знаний, как нужно хорошо обрабатывать землю, одеваться, питаться и т. д. У вас выходит для читателя, как будто вы осуждаете теперешнюю науку всю en bloc, чего, конечно, нет и не может быть у вас. Для большинства ваши взгляды слишком новые и революционерные; поэтому, думаю, хорошо было бы подчеркнуть и ту мысль, что из теперешней бессмысленной вавилонской башни многие кирпичи и камни пригодятся для нового, разумного здания грядущих времен».

Как видно по датам на рукописях, Толстой написал это «добавление» 5 и 6 декабря 1909 г.; затем в Дневнике от 9 декабря 1909 г. записано: «Поправил добавление 0 Науке». Статья впервые появилась в газете «Киевские вести» 1909, № 331 от 13 декабря, затем в газете «Утро России» 1910 г., № 237 (от 31 августа), с предисловием В. Г. Черткова. Несколько позже статья появилась в журнале «Жизнь для всех» (1910 г., № 8–9), куда была послана Толстым в связи с напечатанным в предыдущем номере этого журнала «Открытым письмом В. Г. Черткову» некоего Н. Юрина. Письмо это состоит из возражений на статью Толстого «0 науке». К нему сделано следующее примечание редакции: «Это письмо было получено нами около трех месяцев тому назад, т. е. тотчас после появления в нашем журнале статьи В. Г. Черткова «Две цензуры для Толстого». Мы послали его В. Г. Черткову, надеясь, что он напишет ответ, который мы хотели напечатать вместе с «открытым письмом» г. Юрина. В. Г. Чертков отказался написать ответ г. Юрину. Полагая, что письмо г. Юрина интересно для читателей лишь вместе с ответом «противной стороны», мы решили его не печатать, о чем и известили автора. Г. Юрин написал нам письмо, полное колкостей. Не обращая на них внимания, мы признали правильным его указание на то, что отказ В. Г. Черткова ответить на «открытое письмо» не может служить основанием для отказа напечатать это письмо. Исправляем нашу ошибку и печатаем «открытое письмо» г. Юрина.

Статья «Еще о науке», являющаяся как бы ответом на возражения Юрина, сопровождается «Письмом в редакцию» В. Г. Черткова, в котором он объясняет, почему не отвечал на письмо Юрина: «Во-первых, потому, что еще не опубликовано всё, написанное Толстым по этому предмету и что лучше, как мне кажется, предоставить ему самому печатно высказаться до конца раньше, чем отвечать его возражателям. Во-вторых, если уже отвечать, то необходимо разобрать все наиболее веские возражения, какие возможно выставить против точки зрения Толстого. Возражения же эти далеко не исчерпаны в письме г. Юрина. А потому лучше подождать, пока их наберется побольше и выражены они будут в наиболее сильной форме. Письмо В. Черткова датировано 13 августа 1910 г.

В Рукописном отделении ГТМ (АЧ, папка 120,7) хранятся следующие рукописи статьи «Еще о науке»:

№ 1. Машинопись на оборотах – автографы вставок). 8 листов, из которых один – почтового размера, остальные – 4° обыкновенной писчей бумаги. Текст полный. Нач..... «только, по моему мнѣнію, истинной наукой можно признавать...»; кон.: «ложнаго, которое мы теперь признаемъ истиннымъ».

На обложке – рукой А. Л. Толстой: «Черновые к добавлению к статье 0 науке. 7, 8 Дек. 09 г.».

№ 2. Машинопись – копия с № 1. 11 листов, из которых первый – почтового размера (автограф нового начала), а остальные – 4° обыкновенной писчей бумаги. Много новой авторской правки. Окончательная редакция. Начало: «Мысль моя о <несовершенствѣ> недостаткахъ того...»; конец: «... существующая ложнаго безнравственнаго устройства жизни».

На обложке машинкой: «Добавление к статье 0 науке (От 6 декабря до 9-го Дек.)».

—

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

В состав тридцать восьмого тома входят последние произведения Толстого, написанные им в 1909–1910 гг. Том заканчивается статьей «Действительное средство», над которой Толстой работал уже после ухода из Ясной поляны – в Оптиной пустыни, за несколько дней до своей смерти (последняя дата – 29 октября 1910 г.).

В настоящий том входят как художественные, так и теоретические произведения Толстого. Художественные произведения были опубликованы после смерти Толстого (в России – в издании А. Л. Толстой, с цензурными купюрами, за границей – в издательстве «Свободное слово» (издатель И. Ладыжников) полностью) – за исключением очерков «Благодарная почва» и «Три дня в деревне», которые появились в печати еще при жизни Толстого. Проверка этих произведений по сохранившимся автографам привела к исправлению многочисленных ошибок, сделанных переписчиками и не замеченных Толстым (см., например, финал комедии «От ней все качества»). Рассказ «Ходынка» печатался до сих пор без последних заключительных строк, автограф которых только теперь был найден в другой рукописи. Среди вариантов, относящихся к произведениям этого отдела, особого внимания заслуживают варианты комедии «От ней все качества», не только дающие картину сложной работы Толстого, но и дополняющие текст комедии очень существенными и интересными деталями.

Что касается статей и статей-писем, входящих во второй отдел тома, то некоторые из них появляются здесь впервые: «0 Вехах», «0

ругательных письмах», «По поводу статьи Струве», «Письмо в «Русь» с ругательными письмами», «О безумии» и «О социализме». Одни из этих статей не были посланы в печать потому, что Толстой считал их слишком резкими или ненужными, другие остались незаконченными. Остальные статьи печатались частью еще при жизни Толстого, частью – после его смерти (в заграничных изданиях и в 12-м издании сочинений Толстого, 1911 г.). В этих статьях содержатся отклики на все главные события общественной жизни 1909–1910 гг., но особое внимание уделено в них двум темам: вопросу о «неизбежном перевороте», который должен произойти в современном цивилизованном мире (а в связи с этим – вопросу о государстве), и вопросу об интеллигенции, науке, воспитании и пр. Здесь Толстой подводит итоги своим давнишним мыслям, теориям и взглядам. Характерно, что многие из этих статей являются ответами на полученные Толстым письма: отвечая авторам этих писем, Толстой выходил за пределы обыкновенного частного письма и превращал ответ в статью, предназначенную для печати. Таковы, например, статьи: «Письмо революционеру» (Вруцевичу), «Письмо студенту о праве» (Крутику), «О воспитании» (В. Ф. Булгакову), «О науке» (крестьянину Ф. А. Абрамову), «Ответ польской женщине» (имя адресата неизвестно), «О безумии» (выросло из ответа на письмо Р. С. Лабковской). Остальные статьи были вызваны газетными сообщениями, журнальными статьями, книгами, приглашениями на съезды, посещениями корреспондентов и разными событиями этих лет. Отметим, наконец, что в последние годы жизни Толстой неоднократно получал анонимные ругательные письма, наполненные проклятиями и угрозами за его «революционное» и антицерковное учение. Он собирался ответить на них письмом в газеты, но, написав, признал такое выступление излишним.

Ряд подробностей и фактических данных, относящихся к истории писания Толстым входящих в этот том произведений, сообщили Н. Н. Гусев, Н. С. Родионов и К. С. Шохор–Троцкий.

Указатель собственных имен составлен М. М. Чистяковой.

А. И. Никифоров.

Б. М. Эйхенбаум.

В. С. Шохор–Троцкая.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, не печатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. аббревиатуры) типа «кый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько

абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест–на–крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц–титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно собрание сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации.

Фототипия с фотографического портрета Толстого 1909 г. (размер подлинника) между XI и 1 стр. стр.

